

Наталья Калныш УРОКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЗАПИСКИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАНТКИ

*Мне надо, где сугробы намело,
Где завтра ожидают снегопада,
А где-нибудь все ясно и светло,
Там хорошо, но мне туда не надо.*

В. Высоцкий

Глава 1

Любовалась я как-то вечером отпускными фотографиями одного моего питерского друга, который недавно вернулся из Флоренции, и снимки эти спровоцировали у меня внезапный приступ итальянских воспоминаний. Слава Богу, что со временем большинство собранных в памяти фактов пропускается через некий фильтр, прикрученный, к примеру, где-то внутри черепа — и плохое отсеивается или почти отсеивается. Сейчас я уже

могу смотреть на все эти замечательные фото без чувства неприязни, не рискуя воскресить из своего секретного шкафа какой-нибудь скелет «made in Italy». Может быть, еще так случится, что я посету Страну Макарон, но в качестве «белого человека» — туриста с непросроченной визой, и буду без оглядки на карабинеров любоваться замечательной итальянской архитектурой, природой и т. п.

Узенькие улочки, красная черепица. Как все это знакомо! Кажется, что совсем недавно я ходила этой флорентийской мостовой, а там вот — покупала пиццу. Правда, кафе «Il girasole» я не помню, но все равно с удовольствием пообедала бы там...

2000 год. Первые волны украинских нелегалок пенятся по городам Италии. Где-то там и я — капля в море, соблазненная мечтой о заграничном Эльдорадо. И нас таких — десятки, сотни тысяч, в основном из западных областей. Наши цели — раздать долги, заработать на жилье, на образование ребенка, на... Словом — ДЕНЬГИ, или i soldi, как говорят в той стране, с которой мы прочно связываем свои надежды. Думаем, что за их лиры очень скоро сможем купить себе счастье, даже не подозревая истинной цены вожделенного счета в банке. Украинские доктора, экономисты и учителя в Стране Макарон превратятся в уборщиц, домашних рабынь и проституток.

В Италию я уезжала 5 октября. Был солнечный день роскошной золотой осени. Меня пришли проводить почти все сотрудники издательства, в котором я тогда работала. Мы пили шампанское за удачную поездку, и наши девочки желали мне найти ТАМ свою судьбу в особе горячего «итальяно веро». Некоторые плакали, будто я не на заработки уезжаю, а на войну, и дарили всякие мелкие подарки на память — зажигалку, ручку, серебряные колечки. Я тоже плакала радостными слезами от предвкушения Чего-то.

Это «Что-то» не заставило себя долго ждать. Как только наша группа желающих трудоустроиться в Италии достигла славного города Неаполя, водитель автобуса — Саша потребовал у нас паспорта. Я заартачилась, ибо такое требование показалось мне, мягко говоря, незаконным.

— Ты что умничаешь? — процедил Саша, отведя меня в сторону, — или давай паспорт, или катись отсюда на все четыре!

Не знаю, правильно ли я поступила, да только документ не отдала. Еще дома мне довелось послушаться историй о том, какие бывают неприятности с теми, кто за границей лишается паспорта. И интуиция орала: «Не вздумай!»

— Куда это «на все четыре»? Когда фирма

ваша деньги с меня брала, то обещали же работу предоставить, — очень удивилась я.

У Саши было такое выражение лица, будто он увидел говорящую табуретку.

— Ты, я смотрю, дура вообще.

— Я — не дура и никуда идти не собираюсь.

Кстати, у меня виза открыта еще на две недели. Вот вернусь домой и устрою вашей конторе в суде разборку!

Ясное дело, то был блеф чистой воды, но Саше мои заявления не понравились. Он пообещал, что домой я не доеду. Тогда я стала просить, чтобы он не выгонял меня из машины хотя бы до утра. (Куда идти-то среди ночи в Неаполе?) Водитель проявил истинно христианское милосердие и разрешил мне переночевать в автобусе, но с условием, что завтра духу моего тут не будет.

После полуночи приехали какие-то итальянцы и забрали тех, кто отдал водителю паспорта. Только я и еще одна женщина, за которой утром должны были придти знакомые, остались в машине. «Бог не выдаст, свинья не съест» — это последнее, что мне пришло на ум той ночью.

Утро. Белый автобус уехал в сторону Родины. Я стою посреди Неаполя на площади Гарибальди, а вокруг кишит украиноговорящая женская масса. Создавалось впечатление, что я попала на родной Варшавский рынок. А знаете, что объединяло всех

женщин на площади? Мы все были БЕЗРАБОТНЫМИ. Когда я это поняла, то очень обрадовалась, что в нагрудном кармашке спокойно лежит бордовая книжечка с названием «Паспорт». И улыбнулась:

— Ну что ж, buon giorno, Italia!

Глава 2

В центре площади, залитой ярким солнцем, застыл неугомонный революционер Джузеппе Гарибальди. Он равнодушным взглядом глядел на толпу украинских женщин и вспоминал свои подвиги.

Я внимательно осмотрела каменную фигуру и поймала себя на мысли, что о национальном герое Италии не знаю практически ничего. Разве только то, что он болел ревматизмом и всю жизнь боролся против австрияков. Ну, и что Папа Римский его не любил. Лицо у синьора Джузеппе было надменным и малоприятным, не удивительно, что Папе он не нравился. Это лицо я смутно помнила со школьного курса истории и, честно говоря, радовалась, что хоть кто-то в этой стране мне знаком. Я расстелила куртку у подножья памятника и села думать думать. Надо было придти в себя и решить, как быть дальше.

Так, что имеем в наличии? Паспорт, триста

долларов, аккуратно замотанные в носовичок и прищепленные булавкой в надежном месте (бюстгальтер), а главное — огромное желание Приключения. Кончики пальцев покалывало от передозировки адреналина и сильно хотелось есть. Должна признаться, что ничего путного в мой голодный мозг не приходило. Я вспомнила, что последний раз принимала пищу, когда мы пересекали Альпы, а это было почти сутки назад.

В дорогу бабушка моя снабдила свою драгоценную внучку «Московской» колбасой, сухим печеньем, яблоками и помидорами. От всяких банок-склянок я категорически отказалась, ибо не люблю таскать в пути лишний груз. Сделала я это, наверное, зря, так как мой продуктовый запас существенно иссяк по дороге в Неаполь. Нож в сумке обнаружен не был, видимо, дома забыла, из-за чего пришлось колбасную палку есть очень малокультурным способом — откусывая как батон. Дома (читать: в Украине) я бы ни за что на свете не умоглась поедать колбасу на площади под памятником. Но к чему условности, если кишки играют «Прощание славянки»?

Пропорционально степени наполнения желудка у меня светлели мысли. Искренне поверив в сказки работников фирмы по трудоустройству, я полагала, что по приезде в Италию меня сразу же отведут на рабочее место и скажут:

— Синьорина Наташа, Вы должны делать то-то и то-то, а платить мы будем столько и столько. Вот Ваша комната, а ванная — там.

Но с работой заминочка вышла, значит, и с деньгами, и с местом проживания. А где же мне ночевать сегодня, люди добрые? В связи с отсутствием опыта бомжевания этот вопрос приводил меня в состояние некоторого замешательства.

— Эй, красавица, как дела? — обращение на ломанном украинском прозвучало где-то над ухом. Я удивленно обернулась. Голос принадлежал смуглому молодому мужчине в цветастой рубашке.

— Хорошо, — ответила я.

Мужчина широко улыбнулся, обнажая великолепные зубы, и повторил: «Хорошо». Потом подсел ко мне, и произошла сцена знакомства в духе фильма «Тарзан». Мужчина приложил ладонь к своей груди:

— Монтаз. Пакистан, — потом направил руку в мою сторону с вопросительным выражением на лице.

— Наташа, — о том, что я с Украины, смысла не было сообщать.

— Наташа — Монтаз, — и он показал золотой перстень, на котором латиницей было выгравировано его имя.

Из этого я сделала вывод, что Монтаз языкам

особо не обучен. И к счастью, ошиблась. Мужчина знал достаточное количество украинских слов, чтобы можно было понять, о чем идет речь. По крайней мере, он лучше владел украинским, нежели я — фарси. Монтаз еще немного говорил по-немецки (тут у меня дела обстояли не так безнадежно как с персидским), так что в целом мы понимали друг друга. Естественно, активно были задействованы мимика и жесты.

Я, как могла, объяснила, что только-только приехала в Италию, знакомых тут у меня нет и работы тоже. Монтаз спросил, где я остановилась. Мною было продемонстрировано место под памятником. Мужчина неодобрительно покачал головой и сказал, что на ночь под Гарибальди оставаться не советует. Мне осталось только пожать плечами.

— Нэ бийся, гарна, я — помагаты! (Не бойся, красивая, я — помогать!)

И мы договорились, что если я до вечера не найду себе ночлег, то опять встретимся у памятника, и он заберет меня к себе или отведет к своим знакомым, которые (с его слов) — хорошие люди и не дадут мне пропасть. Я с благодарностью пожала Монтазу руку, и он меня обнял, пообещав, что все будет хорошо.

Удивительное ощущение наполняет человеческое естество, когда под ногами вдруг

обретается твердь. Всего несколько часов назад меня «кинули» соотечественники, а тут руку помощи предлагает еле знакомый чужеземец, который, как и я — чужак на этой земле.

Мы распрощались до вечера. Монтас ушел по своим делам, а я вошла в гущу безработной толпы.

Глава 3

Толпа поглотила меня как огромный рыбий косяк небольшую сардинку. Приветливых лиц не встречалось. Наверное, для того, чтобы излучать дружелюбие, необходимы благоприятные внешние обстоятельства, как минимум — бытовые удобства. А их не было.

Пьяцца Гарибальди соседствовала с Неаполитанским вокзалом, который народонаселение площади посещало с целью отправления естественных нужд. У входа в вокзальное помещение стоял невысокий карабинер с резиновой дубинкой и лиц славянской наружности отгонял от двери. Делал он это лениво и как бы нехотя, подобно утомленному пастуху, присматривающему за вредоносным стадом. Периодически карабинер курил и в это время не обращал особого внимания на миграцию украинок за дверь.

Первый раз пройти мимо маленького

вокзального цербера мне не удалось. Он посмотрел на меня снизу вверх презрительным взглядом и, ткнув в бедро дубинкой, процедил:

— Vai via! (Пошла прочь!)

Я густо залилась краской, и мне даже в туалет перехотелось — настолько непривычным было скотское обращение. Скрутив фигу в кармане и мысленно послав карабинера в Украину, я временно отказалась от идеи штурмовать вокзал.

Вторая попытка попасть на вокзал была предпринята минут через сорок, она тоже оказалась неудачной. Честно говоря, я надеялась, что такого количества времени вполне достаточно, чтобы карабинер меня забыл. Но, как оказалось, у него была цепкая память на высоких блондинок.

Опять пришлось отступить. Но маленькие итальянские карабинеры тоже люди — и, соответственно, не только машут дубинками и курят, они, как и другие народы, ходят по нужде. Когда мужчина на минутку отлучился, я стрелой метнулась внутрь здания. Надо же, какое счастье — добраться до кабинки с надписью «WC»! Вот уж не предполагала, что буду так по-детски радоваться этому.

Очередь к кабинке была мавзолеевского размаха. Я стояла за немолодой стриженной женщиной в измятой серой куртке. Она спросила меня:

— Давно в Неаполе?

— Вчера приехала. А Вы?

— И я. Оставила работу в деревушке одной неподалеку. Платили маловато. Решила тут счастья попытать.

— Думаете, это реально? Столько же безработного народа... Меня Наташей зовут, а Вас?

— А я — Надя. Да, народа много. Невольничий рынок. Но попытаться стоит. Сюда итальянцы часто наведываются за новой прислугой, так что не переживай. Язык знаешь?

— Нет.

— Это хуже. «Немых» не очень на работу берут.

Такое заключение меня расстроило.

— Да ладно, Наташ, не кисни, все утрясется как-то. Я тоже сначала по-итальянски ни в зуб ногой была, потом научилась. Ночевать-то тебе есть где?

Я рассказала о Монтазе. Надежда слегка удивилась:

— По-украински говорил? Точно, сутенер какой-то пакистанский. Видно, наших баб имел-переимел, аж язык выучил!

— Надя, ну, что Вы?! Он вовсе не похож на сутенера.

Женщина ухмыльнулась:

— Скажи, а много сутенеров ты в жизни своей

знала?

Я напрягла память. Нет, с сутенерами дружить мне не доводилось. Моя жизнь (по крайней мере, до сего дня) протекала в плоскости, далекой от сексиндустрии. Правда, я была знакома с одной проституткой, проживавшей на нашей улице. Но она не являлась членом Профсоюза Путан и работала без посредников, исключительно на себя. Душевная, кстати, девица.

— Нет, Надя, с сутенерами я не сталкивалась.

— То-то и оно. Думаешь, у них на лбу написан род занятий? Осторожнее с людьми надо быть, Наташка.

— А где ночевать тогда?

— Мы баб спрашиваем. Тут, говорят, под вечер «наши» работающие приходят, ночлег предлагают. Оставаться ночью на Пьяцца опасно, ворья много. Ну, и мало ли чего...

Большую часть дня мы провели на вокзале, а ближе к вечеру вернулись на площадь. Из-за Надиной подозрительности опять остро стал вопрос ночевки. Никто из «наших» никакого ночлега не предлагал.

— Послушайте, Надя, я уверена, на счет Монтаза Вы ошибаетесь. Чувствую, что он хороший человек и не обидит.

— Как знаешь. Но я к твоему пакистанцу ночевать бы не пошла.

— Не вижу другого выхода. Уже темнеет. Мы договорились встретиться у памятника, если ничего не найду. Я не нашла. Значит, иду к Монтазу. Вы со мной?

— Ты — с приветом, — заключила Надежда. — Иди сама.

И я пошла. Монтаз сидел под Гарибальди и белозубо улыбался:

— Чао, белла!

— Чао.

— Пошли?

— Угу.

Он взял мою сумку, и мы покинули площадь.

Южные ночи имеют привычку обрушиваться внезапно. Еще пять минут назад было относительно светло, а через мгновение мы с Монтазом оказались в совершенно темном переулке — будто кто-то выключил рубильник.

Извилистые неаполитанские улицы ночью мне почему-то напоминали своих львовских сестер — такие же узенькие, мощеные брусчаткой. Только вот мусора на них было намного больше. Я то и дело спотыкалась о пустые бутылки, картонки, фруктово-овощную кожуру.

Через поворот мое внимание приковал чахлый фонарик, ливший жидкий желтый свет на кучи разнообразных отходов. Вот одна из куч зашевелилась, оттуда выглянула остроносая

мордочка, а затем показалось упитанное тело местной крысы. Она была величиной с небольшую таксу. Грызун сел под фонарем, привел себя в порядок, а покончив с туалетом, начал заниматься исследованием полиэтиленовых пакетиков, ровным слоем покрывавших тротуар. Не найдя ничего из того, что могло бы удовлетворить его гурманские замашки, он неспешным вальяжным шагом пересек улицу.

Хозяйская невозмутимость крысы лишила меня дара речи. Идя за пакистанцем по ночному городу, я чувствовала себя куда менее уверенно, чем это животное. А что, если Надежда была права? Нет-нет! Даже если это так, то толстых крыс я боюсь куда больше сутенеров.

Из подворотни слышалась журчащая речь на незнакомом языке. Когда мы поравнялись с источником звука, я увидела группу из четырех мужчин, которые живо что-то обсуждали. Заметив нас, один товарищ что-то крикнул Монтазу. Судя по интонации, это было приветствие. Монтаз прожурчал какую-то фразу в ответ и кивнул в мою сторону. Мужчины засмеялись. Мне от смеха этого стало нехорошо, хотя, не исключено, что потешались арабы вовсе не надо мной. Выбитая из состояния равновесия трусобной крысой и откровенными мужскими взглядами, я затравлено посмотрела на своего спутника. Монтаз сказал:

— Не бойся, — и мягко взял меня под руку, — скоро будем дома.

Завершился наш променад перед двухэтажным зданием с облупившейся штукатуркой. На лестничной клетке пахло плесенью и кошками. Монтаз громко постучал в зеленую дверь слева:

— Фила!!! Sono io! Apri! (Это я! Открой!)

Из квартиры доносилось шарканье тапочек, кашель и звон ключей. Затем в дверном проеме показалась хозяйка квартиры — мужеподобная брюнетка с тонкой сигареткой в углу рта.

— Чао, Фила. Это Наташа, твоя землячка, — Монтаз кивнул в мою сторону, — я тебе утром о ней говорил.

— А-а-а, — протянула женщина, — что-то припоминаю. Ну, заходите.

Мы вошли в жилище Филы. Оно состояло из маленькой комнатки, треть которой отгораживал хлопчатобумажный отрез ткани в мелкий цветочек. За занавеской находились умывальник и унитаз. Высота потолков была явно рассчитана на лилипутов, так как я в полный рост в комнате не помещалась. Чтобы без проблем передвигаться по этой «норе», мне приходилось затейливым образом выворачивать шею или подгибать колени.

В центре комнаты стояла кровать, вернее, кровать составляла ВЕСЬ центр комнаты. Размеры

ложе тут были ни при чем, причина крылась в пигмейских габаритах жилья. Мне казалось, что я попала в меблированную картонную коробку из-под телевизора. Монтаз поставил на пол мою сумку:

— Ты тут оставайся, а я завтра приду. Чао.

— Чао.

Когда за Монтазом захлопнулась дверь, я вздрогнула, и мне стало очень-очень неудобно. Даже на площади было как-то веселее. Филя спросила:

— Откуда ты?

— Из Луцка. А Вы?

— Из Ивано-Франковска. Монтаз говорил тебе про плату?

— Нет. Ничего не говорил.

— Так вот, десять долларов — ночь.

— Хорошо, — я протянула Филе зеленую купюру.

Женщина посмотрела ее на свет и, удовлетворенно хмыкнув, спрятала в карман.

— Ты можешь у меня ночевать, пока место себе не подыщешь.

— Спасибо Вам. Мне бы помыться с дороги, если можно?

Филя махнула в направлении цветастой занавески и я, взяв полотенце и мыльницу, стала пробираться через кровать к умывальнику. Надо сказать, что кровать украшал ворох какого-то

тряпья, обойти который не представлялось возможным. Как только я на него ступила — раздался вскрик, и из тряпичных недр появилась всклокоченная человеческая голова. От неожиданности мыльница выпала у меня из рук, и белый брусочек подкатился к ногам Филы.

— Да не бойся ты! Это Мария.

Марией называлось полупрозрачное существо, судя по имени, женского пола. Подобную степень истощения мне доводилось видеть когда-то в медицинском учебнике. Там описывалась болезнь с романтическим названием «кахексия», и была иллюстрация — фото женщины-скелета. Лично я в скелетах не вижу ничего страшного, если только они не живые. А Мария была живой. Об этом свидетельствовали: во-первых — крик, во-вторых — открытые блестящие глаза. Других признаков жизни за Марией не замечалось.

— З-здравствуйте. Меня зовут Наташей, — поздоровалась я.

В ответ существо только глубже зарылось в постель.

— Что с ней? — спросила я Филу.

— Да ничего, устал просто человек. Выходной у нее сегодня.

Фила не была настроена на длительный диалог, поэтому я не стала ее больше ни о чем спрашивать, и удалилась за занавеску.

Все мысли мои заняла Мария. Невозможно представить, что эта женщина вообще способна передвигаться, не то чтобы работать. Вдруг до меня дошло, что в квартире ОДНА кровать, а людей в три раза больше. Значит, спать предстоит с Филой и скелетом Марии! От такой перспективы меня передернуло. «Спокойствие, только спокойствие, — говорила я себе, — в любом случае это лучше, чем ночевка на улице».

— Я уйду, Наташа. Буду поздно, меня не жди и ложись спать. Тут еще девчонки придут, так ты им дверь открой, они — свои, — донесся голос Филы из-за занавески.

— Открою.

От усталости у меня уже подкашивались ноги и слипались глаза. Я разделась и осторожно легла на кровать, подальше от Марии.

— Не бойся меня, я не кусаюсь, — сказала женщина-скелет.

— Я и не боюсь, — ответила я и на всякий случай чуть отодвинулась к краю.

— Ты не думай, раньше, ДОМА, я пышкой была, вроде тебя. Это ТУТ так похудела.

— Работа у Вас тяжелая, да?

Мария вздохнула:

— Да, не из легких. Я посудомойкой в ресторане на пристани работаю. Гляди, — и протянула ко мне руки.

Кожа на ладонях была воспалена, местами трескалась и гноилась.

— Что это?

— Моющее средство. Целый день руки в нем держу, вот кожа и слазит.

— Ну, Вы бы побереглись как-то, — сказала я неуверенным голосом.

— Побереглись, — повторила Мария, — как тут побережешься? Ты, небось, вчера только из ДОМА. Видела, что на площади творится?

— Уйма народа...

— Вот именно. И всем работа нужна. Знаешь, сколько желающих на мое место?

Вопрос Марии относился скорее к разряду риторических, вряд ли ее интересовало точное количество претенденток на экзему в портовом кабаке. Я промолчала.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать шесть. Мария, как тут с работой вообще?

— Смотря с какой. Какая-нибудь черная и дешевая рано или поздно подвернется. С той, что почище, — туговато. Ты — ГОВОРЯЩАЯ?

— В смысле?

— Говоришь по-итальянски?

— Училась по самоучителю немного, — с сильным сомнением в своих лингвистических талантах произнесла я.

— Если ты «немая», то нормально устроиться вряд ли удастся. Тебе Монтаз ничего не предлагал?

— Нет, ничего. А что, он мог бы с работой помочь? — призрак надежды замаячил перед глазами.

Мария потерла переносицу:

— Как тебе сказать. Вообще-то мог бы. Только не знаю, подойдет ли тебе такая работенка. Он тебя у вокзала подобрал?

Мне не понравилось слово «подбрал». Я что, дворняжка какая-то?!

— Да, мы встретились на Пьяцца Гарибальди.

— Монтаз девочек оттуда часто приводит. Добрый он, Монтазик наш, — оскалилась Мария.

— А чем же он занимается?

— Он — художник. А зарабатывает тем, что делает татуировки. Между прочим, очень красиво у него это дело получается. Может и тебе сделать бабочку на попе, если попросишь. Друзья у него, правда, несколько иного профиля. К ним он девочек пристраивает. Только по желанию, ты не думай!

«Не так уж сильно, наверное, Надежда ошибалась», — мелькнуло у меня в голове.

— Мы, когда шли сюда, встретили каких-то мужчин в подворотне, — припомнила я.

— Дружки его, наверное.

— И что это за люди?

— Марокканцы. Наши девочки на них

работают.

На языке у меня крутился наивный вопрос, от которого я не смогла удержаться:

— Где работают?

— На «страде», — произнесла Мария, делая ударение в слове «страда», на первом слоге.

Мне не хотелось выглядеть полной идиоткой, — и я понимающе кивнула. Страда, страда... Знакомое словечко. И тут я вспомнила: «la strada» — это же «улица» по-итальянски. Ура! Не пропали даром занятия с самоучителем. И что же могут делать наши девочки на улице для марокканцев? Сомневаюсь, что род их занятий состоял в торговле беляшами или лотерейными билетами.

— Если хочешь знать, то друзья Монтаза еще не всяких девочек берут.

Хм. Подумать только! Я съехидничала:

— Да Вы что! Можно еще и кастинг на путану не пройти?

— Конечно, — на полном серьезе ответила женщина, — я им уже точно не подойду.

В чем-то Мария была права, образ ночной неаполитанской бабочки как-то мало вязался с ее, мягко говоря, аскетичной внешностью.

— Так, может, я тоже не подойду, — попыталась я пошутить.

— Ты подойдешь, — заверила меня Мария, —

арабам такие нравятся.

Поворот нашего разговора меня слегка встревожил. Одно дело, когда в газетах читаешь про тружениц полового фронта, или чисто гипотетически фантазируешь о подобном с подругами на кухне. А тут тебе наклеивается вполне реальная возможность освоить древнейшую профессию. Когда я собиралась в Италию, то как-то и не рассчитывала, что передо мной откроются столь радужные перспективы. Надо же — такой шанс судьба подбрасывает! По окончании университета светила биологии из меня не получилось, может, именно на итальянской страде обретет свое истинное призвание неизвестный зоолог? Убеждаться в этой гипотезе желания не возникало. Я решила, что карьера проститутки может и подождать.

— Спокойной ночи, Мария.

— Спокойной ночи.

Я свила себе кокон из одеяла и моментально провалилась в сон так, будто кто-то выдернул шнур от меня из розетки. Снился плотный, густой туман, застилающий горизонт, и корабль, который покидали толстые крысы в платочках из полиэтиленовых пакетиков. Меня очень тревожила судьба корабля, тем более что в одной из кают находилась я. В моей каюте горела в пузатом стаканчике розовая свеча. Я смотрела на маленькое

пламя и знала: до тех пор, пока свечка эта горит, корабль не утонет.

Сон прервался стуком в дверь. Слышались женские голоса:

— Филя!!! Это мы!

Скрипнула кровать — поднялась Мария:

— Не шумите! Сейчас открою!

Мне не хотелось привлекать к себе лишнего внимания и знакомиться с прибывшими женщинами. Я сделала вид, что сплю. Женщин, судя по голосам, было двое. Причем, одна из них находилась в состоянии алкогольного опьянения. Именно она обнаружила меня на кровати, и, дыхнув в лицо спиртовыми испарениями, громко прошептала:

— Что это?

— Новенькая. Монтаз привел, — ответила Мария, — Оля, отойди от нее, видишь — уснул человек.

— Молодая, — констатировала Оля, — Анвару отдаст, или себе оставит?

Другой голос прыснул:

— Ага! Людка ему оставит!

— Таня, глянь-ка: девка ничего, жалко ее арабам отдавать. Пусть Гвидо ее возьмет, у него условия получше будут.

По позвоночнику промчалось стадо муравьев с холодными лапками. Как это возможно, чтобы

мной распоряжались, будто я пакет молока?! Возьмут — отдадут. Мое мнение, похоже, вообще никого не интересует. Не знаю, кто такие Гвидо и Анвар, но знакомится с ними совсем не хотелось. По-моему, выбирать между арабской или итальянской панелью — то же самое, что размышлять: из чего лучше застрелиться — маузера или браунинга? Надо срочно покидать эту нору. Скорее бы утро.

— Наташ, ты спишь? — затормошила меня Мария.

Я разлепила глаза:

— Чего Вам?

— Тут девчонки пришли, Оля и Таня. Познакомься.

Делать нечего — знакомлюсь. «Девчонки» были в возрасте расцвета второй молодости. Татьяна — довольно высокая шатенка с широкими скулами, Ольга — гидроперитовая блондинка в золотых конопушках и носом-картошечкой. Вроде бы родные лица, какими заселена любая наша деревня, но было в них уже что-то чужое. Оно проскальзывало сквозь холодный взгляд, цепляющийся как верблюжья колючка. Видимо, за время проживания за границей в моих соотечественницах произошла какая-то мутация, следствием которой стали настороженность и недоверие.

— Ты уже договорилась с Монтазом о работе? — спросила Таня.

— Нет, ни о какой работе мы не говорили. Он помог мне с ночлегом и все.

— Значит, завтра побеседуете. Только я на твоём месте с ним бы не связывалась, — заключила Ольга.

— Почему?

— Он дружит со скользкими парнями. Давай уж лучше мы тебя пристроим. Паспорт свой ещё не посеяла?

Дался всем мой паспорт! И с какой такой радости этот «дубликат бесценного груза» не даёт покоя моим новым знакомым?

— Не посеяла. Он со мной.

— Вот и отлично. Мы с Таней можем тебя с человеком одним познакомить, если хочешь, — подседа ближе Оля.

— Что за человек?

— Итальянец. Гвидо зовут. Девочки «наши» на него работают. В доме, под крышей, в чистоте, а не то, что у дружков Монтаза — на улице в любую погоду.

Татьяна поддерживала подругу:

— Соглашайся, Наташа. Увидишь — тебе понравится. Гвидо не жадный, у тебя комната своя будет. Кормежка, мыло-полотенце — все за его счёт.

Упоминание о дармовом моющем средстве меня развеселило. Неужели эти женщины всерьез думают, что я, сломя голову, сигану в мышеловку за бесплатным мылом?! Что же мне ответить на такое заманчивое предложение? Если бы Оля была чуть меньше пьяна, возможно, не так заметно выпирало бы ее острое желание меня завербовать. Мне был неприятен хищный блеск в глазах женщин. Кто знает, чего от них ждать в случае отказа?

— Не знаю, Оля. Надо подумать.

— Ты только Монтазу не говори, ладно?

— Ладно. Спокойной ночи, — я натянула на голову одеяло.

Сон как рукой сняло. Что-то внутри мне говорило, что соотечественницы мои намного опаснее татуировщика-пакистанца. Монтаз вызывал у меня куда больше доверия, нежели все дамы из квартиры Филы, вместе взятые. Уж лучше я попрошу помощи у него.

Я лежала тихо-тихо, через одеяло еле доносились невнятные обрывки фраз. К моему удивлению, это были стихи. Их читала Татьяна. Она произносила строчки нараспев и очень старательно. Подобный стиль чтения характерен для выступлений детишек на табуретках. Затаив дыхание, я внимала поэзии. Стихотворение повествовало о нелегкой женской судьбине, о

тяжких трудоднях на загранице и о жуткой тоске по детям и Родине. Ничего подобного я раньше не слышала. Небрежно-свободное обращение с рифмами плюс вплетение в текст идиоматических выражений неоднозначно намекали на то, что их автор в число признанных классиков отечественной литературы не входит.

Стих был длинный, практически поэма. Когда Татьяна закончила его читать, Мария сдавленным голосом произнесла:

— Какая ты, Танька, молодец!

А Ольга высморкалась. (Прослезилась, наверное).

— Поэтесса...

Ага! Значит, поэтическая сага принадлежит перу самой Татьяны! И я, признаюсь, как на духу, внезапно зауважала скуластую шатенку. Если уж, пусть даже сбежавший с конюшен Олимпа, Пегас отметил человека своим крылом, или копытом, значит, человек этот достоин уважения. По крайней мере, за то, что хотя бы пытается выразить бередящие его душу чувства.

Дышащие подлинным страданием, плохо зарифмованные строчки Татьяны не могли родиться в пятизвездочном бунгало на берегу океана, им самое место тут, в квартире, величиной с картонку из-под телевизора.

— Давайте, девчонки, закругляться, —

зевнула Ольга.

Остальные женщины единогласно поддержали ее предложение, и на этом поэтический вечер завершился. Таня и Оля разместились на узеньких матрасиках по обе стороны кровати. Мария погасила свет.

Проснулась я от нестерпимой жары и тяжелого спертого воздуха. Где-то среди ночи пришла Филя. Ее потное тело прилипло справа, а в мой левый бок упирались кости Марии. Стерев ручеек пота, заливавший глаза, и жадно хватая практически бескислородную воздушную смесь, я попыталась освободиться из тисков Филя — Мария. Тихо поскуливала во сне Ольга. Я переступила через нее и вышла из квартиры.

Люди добрые, а ведь туда придется вернуться! Думать об этом не хочу. Сажусь на ступеньки, обняв руками голые колени, и закрываю глаза. Вот, сейчас я проснусь ДОМА, а Неаполь, вокзал, Филя, Монтаз — персонажи и декорации моего сновидения останутся в далеких измерениях Морфея.

Кто-то коснулся моего плеча.

— Наташа, почему ты тут? — мужской голос с сильным восточным акцентом.

— Подышать вышла. Жарко там, — говорю, и слезы застилают мне глаза.

Стыд и позор! Чего реветь? Чего? Что такое случилось? Просто страх. Безмолвный, животный ужас овладел моим умом. Как быть?! Что делать?!

— Кто тебя обидел, девочка? — Монтаз гладит мои взъерошенные волосы.

— Мне так страшно. Не отдавай меня, пожалуйста, пожалуйста...

— Что тебе эти женщины наговорили?

— Про страду... Я не хочу! Я не смогу...

Монтаз вытирает мое зареванное лицо:

— Не плачь, не надо. Мы придумаем что-нибудь. Филе скажешь, что тебе подруга уже ищет работу. Никуда с ней не ходи. Если что — давай к нам. Я тут живу, — Монтаз указал на дверь слева. — Просто сейчас тебе у нас неудобно будет, братья у меня и Люда ревнивая.

— Жена?

— Нет. Живем вместе. Жена в Пакистане. Лейла. И дочери там с ней. Фотографию потом покажу, хорошо?

— Угу.

— Монтаз тебя в обиду не даст, поняла?

Я киваю.

— И ничего не бойся.

Еще один кивок.

— Утром я за тобой зайду, и мы пойдем искать работу.

— Спасибо, Монтаз. Спасибо...

Слезы высохли как-то сами по себе.

Как мне ни хотелось, но все же пришлось возвратиться в комнатку Филы. Отвоевывать себе часть койко-места я не стала, и остаток ночи провела на подоконнике у открытой форточки. Вид из окна, был не ахти какой. Грязный двор, запущенная клумба, паутина бельевых веревок, качели.

Качели? Наверняка, в доме живут дети. Представляю себе ораву смуглых сорванцов, резвящихся в этом убогом дворике. Интересно, есть ли у их пап и мам хотя бы теоретический шанс когда-нибудь выбраться из нищеты? Теоретический есть. Можно выиграть миллион в лотерею или дожждаться наследства от богатого родственника, клад найти, на худой конец. А еще можно податься в заграничное Эльдorado на заработки. (Типа как я). Только где гарантия, что в том Эльдorado ты не окажешься на еще более низкой социальной ступени, нежели был там, откуда приехал? Нет таких гарантий.

Но в жизни же всегда есть место Чуду и Надежде. Почему-то вспомнилась сказка о мышках в молоке. Хорошая, вселяющая надежду история. Не сложишь лапки — собьешь масло и выберешься из крынки. Важно только в молоко попасть. А если банка с компотом попадется или еще хуже — ночной горшок? В какие емкости попали мои новые

знакомые, мне пока не очень понятно, но уж точно — сливками там и не пахнет.

Пока я размышляла на подоконнике о мышах, незаметно подкралось утро. Солнечный лучик скользнул по кровати и разбудил Филу:

— Ты чего там нахохлилась, как курица на насесте?

— Я...

— Давай, ложись, — женщина поднялась с постели.

Спорить с ней смысла не было, к тому времени у меня основательно затекли ноги и шея.

С наслаждением вытянувшись на кровати, сквозь полусомкнутые веки я наблюдала за броуновским движением женщин по комнате. За занавеской мылась Филя, Ольга красила у подоконника губы, ковыряясь спичкой в тубике помады, Таня завивала волосы старой плойкой, Мария разливала по чашкам чай. Дневной свет делал их лица старше и беззащитнее. Правду говорят, что утро вечера мудренее. Чего я вчера испугалась? Этих измученных землячек?

— Ну что, поговорить с Гвидо о тебе? — закалывая волосы, сквозь шпильки во рту спросила Таня.

— Не надо. Спасибо. Мне одна знакомая тут пообещала работу. Я с ней сегодня встречаюсь.

— Что за одна?

— Мы с ней на Пьяцца Гарибальди познакомились.

— Ну, смотри, если передумаешь — обращайся. Все ж не чужие — поможем.

В дверь постучали, и Таня пошла открывать.

— Кто там?

— Это я, Монтаз.

— Чего тебе надо с самого утра? — бросает из-за занавески Филя.

— По вам, красавицы, соскучился, — Монтаз игриво щипает Таню, а та шутливо бьет его по рукам.

— Ага! Соскучился он! По Наташкину душу пришел, так и скажи.

Мужчина ничего не отвечает. Я вскакиваю с кровати:

— Мы...э-э-э... Нам на вокзал надо. К знакомой моей.

Начинаю лихорадочно собираться. Необходимо привести себя в божеский вид, чтобы произвести благоприятное впечатление на потенциального работодателя.

Из зеркала на меня смотрят припухшие глаза, и я вдруг замечаю, что вся шея покрыта, как ошейником, сплошным красным пятном. Последний раз такая оказия случилась со мною сто лет назад, после экзамена по фармакологии. Я сильно перенервничала, потому что не могла найти

спрятанную в левом сапоге шпаргалку. В конце концов, все обошлось благополучно (шпаргалка оказалась в правом сапоге), но последствием страшного студенческого стресса стала малосимпатичная сыпь на шее в виде красного ошейника.

Дерматит «от нервов», как объяснил мне врач в кожном диспансере, прошел тогда за пару месяцев. И тут опять — нате, пожалуйста! Никак я не ожидала от своего организма такого подвоха. Сыпь увидела Фила:

— Что это за зараза у тебя?!

— От нервов это, — извиняющимся тоном произнесла я.

Вот черт! Сыпь эта мне сейчас совсем ни к чему. Пусть бы уж лучше на каком другом месте появилась, шея — слишком заметно же! Монтаз отвел в сторону мой подбородок и присмотрелся к пятну.

— Плохо, — заключил он, — в аптеку надо.

Незапланированный дерматит ставил под реальную угрозу мое трудоустройство...

Глава 4

Вещей «под горлышко», которые могли бы прикрыть покрасневшую шею, у меня с собой не было. Как-никак, я же в теплую страну собиралась,

потому-то и ограничила свой гардероб двумя-тремя легкими блузками. Имелся, правда, один теплый свитер, на случай холодов, но и он выставлял мою шею на всеобщее обозрение.

— Может, Наташ, ты платочек какой повяжи, — посоветовала Мария.

— Да не ношу я платочков. Нет у меня ничего такого.

— Тогда сходи на базар и купи! А то люди от тебя шарахаться будут. Откуда ж им знать — проказа это, или «нервное», как ты говоришь.

— Типун Вам на язык.

В словах Марии был резон. В мгновение ока от сыпи я не избавлюсь, а пугать народ мне сейчас нельзя.

— Зайдем на рынок, а? — обращаю на Монтаза умоляющий взор.

— Зайдем-зайдем. Купим тебе платок, — улыбается пакистанец, — Собирайся.

— Минуточку!

За «минуточку» я успела подвести тушью припухшие глаза и распустить по плечам волосы (с целью максимальной маскировки дерматита).

— Наташа, ты раньше шести не приходи. Никого дома не будет, — предупредила Филя.

— Не приду.

Похоже, мне придется слоняться по городу целый день.

— Пошли сначала в аптеку, — Монтаз взял меня за руку и повел прочь из пахнущего кошками дома.

Я старалась запоминать дорогу. Мало ли, а вдруг мой поводырь потеряется, как я тогда «домой» попаду? Мне ведь даже адрес не известен. Поворот, поворот, мусорные баки, магазинчик с вывеской «Dolci» и аппетитными пирожными в витрине. Запоминай, Наташка, запоминай! А вот и «Farmacia», то есть «Аптека».

Монтаз продемонстрировал пожилому аптекарю мою шею со словами:

— *La ragazza e malata.* (Девушка больна).

Аптекарь в ответ предложил какую-то баночку со сметаноподобным содержимым. Монтаз еще о чем-то поговорил с аптекарем и заплатил за лекарство.

— Возьми, Наташа. На ночь намажешь.

— Спасибо.

Хоть бы помогло! Я-то хорошо помню, что шейей это дело может и не ограничиться. Прошлый раз начиналось все с красного ошейника, а потом сыпь пошла по предплечьям, животу и внутренней поверхности бедер. Наверное, Монтаз обладал даром читать мысли, потому что ни с того ни с сего спросил:

— Больше такого нигде нет?

Я отрицательно замотала головой.

— Монтаз, ты не бойся, это не заразно. Нет!

Мне была неприятна сама мысль, что этот человек может меня сторониться из-за какого-то несчастного покраснения.

Монтаз мне нравился. Видимо, в детстве я насмотрелась слишком много индийских фильмов. Как результат — смуглые кареглазые брюнеты с внешностью Алладина и Али-Бабы вселяли в душу мою благоговейный трепет. Даже продавцы персиков и арбузов на родном Варшавском рынке оказывали на меня гипнотическое, парализующее волю влияние. Я знала за собой такую слабость, потому мимо прилавков с южными плодами старалась пройти как можно быстрее. Это спасало мой кошелек от разорительных оптовых закупок.

— Монтаз, а ты давно в Италии?

— Семь лет.

— Скучаешь по дому?

— Да.

Монтаз достал из нагрудного кармашка фотографию. На ней — женщина в черном одеянии с тремя детьми.

— Лейла и дочери.

— А когда ты к ним вернешься?

— Не знаю. Я им деньги отсылаю. Пакистан — бедная страна, — Монтаз погрустнел.

Семь лет! С ума сойти. Неужели все эти семь лет хрупкая пакистанская газель верно ждет своего

Одиссея?

— Монтаз, ты тут с Людой, да? А у Лейлы там, в Пакистане, тоже кто-то есть?

— Нет. Нельзя. Она живет в доме моего отца.

Плохо дело. Бедная Лейла. Совсем не завидую ей. Что с того, что она вроде как замужем? Мужа-то нет рядом, и неизвестно когда он объявится. А может и не объявится вовсе.

— Ты любишь Лейлу?

— Люблю.

— А Люду?

— И Люду люблю.

Стало быть, в сердце мастера тату хранится достаточно большой запас любви и хватает места не только для законной супруги.

По моим понятиям, Монтаз не мог не нравиться прекрасному полу. Хоть был он и невысокого роста, зато великолепно сложен и гибкий, как пантера. Яркая цветастая рубашка, которая смотрелась бы смешно на бледнолицем мужчине европеоидной расы, лишь подчеркивала сияние бронзовой кожи пакистанца. Даже если мои соседки по комнате правы, и Монтаз имеет невинное сутенерское хобби, то разве нельзя ему слабость эту простить за одни только миндалевидные глаза?

Поворот, поворот, новая незнакомая улица. Мы идем на рынок. Впереди маячит цветастая

рубашка, я пытаюсь от нее не отставать. О том, что базар уже близко, нас оповестил нарастающий гул.

Я никогда особо не любила больших скоплений народа — и, по возможности людские толпы обходила стороной. Говорят, восточный базар — совершенно уникальное и незабываемое зрелище. Не знаю, там бывать мне не приходилось, но его неаполитанский брат меня ошеломил. Не грудями мерцающей серебром рыбы и диковинных чудищ морских, не горами благоуханных плодов и специй, а бьющей через край энергией и силой голосовых связок торговцев. Продавцы, подобно обезьянам ревунам в период гона, орали что есть мочи над своим товаром призывные рулады.

— *Pesce fresca!!!* — крикнул изо всей силы мне в ухо один из них. Я испуганно отскочила в сторону. Столь агрессивная реклама свежей рыбы едва не лишила меня слуха. До чего же шумный народ эти итальянцы!

Недалеко от прилавка с рыбой торговал разноцветными платками рослый синий негр. Вот он-то стоял молча, распахнув увешанные тряпьем руки как на распятье. На нем я заприметила легкую косынку в красно-белые полосы. Вещь была достаточно воздушной, чтобы не доставлять неудобства в жарком климате.

— Монтас, тут платочек подходящий. Я бы, пожалуй, его купила. Только мне надо доллары на

лиры обменять. Где можно это сделать?

— Много менять?

— Долларов сто.

— Мой друг обменяет. За мясной лавкой.

Сейчас к нему пойдем. А это — тебе подарок, — Монтас снимает с руки негра полосатую косынку.

— Спасибо, — я тут же повязала платок себе на шею.

Над кусками мяса с отчаянным надрывом зазывал покупателей кудрявый продавец в фартучке сомнительной чистоты:

— Carne-e-e!!! Carne-e-e!!!

Чего ж так орать-то? И так ясно, что «carne»!

— Signorina, prego!!! — мясник сует мне под нос окровавленную тушку какого-то животного. Судя по размерам — кролик, или кошка, точнее сказать не могу. Кто знает, чем они тут питаются? К примеру, вон те прозрачные гроздья сероватых присосок — идут нарасхват, а мне даже смотреть на них неприятно.

Торговец мясом хотел во что бы то ни стало продать мне убиенного зверька. Он очень убедительно тряс тушкой перед моим лицом, а чтоб клиентка не сбежала, крепко схватил меня за руку чуть выше локтя. Я запаниковала:

— Отпустите!!!

Монтас обернулся и рыкнул на мясника, тот

выпустил мою руку. Смотрю на локтевой сгиб — на нем красуется огромное ярко-красное пятно. Сначала мне показалось, что это кровь с ладоней продавца, но — нет. Пятно было таким же, как и на шее. Значит, придется еще и руки прятать. Я еле сдержалась, чтоб сразу же не осмотреть и живот.

— Жди здесь, — Монтаз отвел меня в сторону, — Никуда не уходи.

Пакистанец скрылся за палатками, и пока он отсутствует — осторожно щупаю кожу на животе. Ну да, сыпь и там. Вся надежда на волшебную баночку с мазью. Хоть бы Филя не выгнала меня из квартиры. Кому, скажите, приятно делить постель с носителем какой-то кожной болячки? Словом, я расстроилась.

Монтаз вернулся в сопровождении симпатичного, крепко сбитого мужчины. Внешне он больше напоминал араба, нежели итальянца. Хотя и те и другие — невысокие, смуглые брюнеты, разница все ж чувствуется.

— *Buona mattina, cara* (Доброе утро, дорогая), — поздоровался со мной друг Монтаза.

— *Buona mattina*, — эхом повторила я.

— *Sono Anvar*. (Я — Анвар).

Имя показалось мне знакомым. Уж не тот ли это Анвар — конкурент Гвидо? У меня пересохло во рту и я, запинаясь, промямлила свое имя:

— Наташа.

— Sei molto carina, Natascia. (Ты очень мила, Наташа).

— Grazie. (Спасибо.)

Я физически ощущаю скольжение взгляда Анвара по моему телу. Снизу — вверх, сверху — вниз. Горячая волна бросается мне в лицо. Провалиться бы куда-нибудь, что ли? Или превратиться в маленькую-премаленькую букашку. Жаль, не умею. Уверена, что от пристального внимания мужчины не скроется даже самая бледная веснушка. Сканирующий взгляд остановился на руках. Руки мои Анвару не понравились. Он нахмурил бровь и спросил:

— Che cosa? Sei malata? (Что это? Ты больна?)

Ага, значит, заметил сыпь. Ну, как мне объяснить, что это не болезнь, по большому счету, а просто такая себе защитная реакция организма на стресс? По итальянски я еле-еле понимаю, говорю еще хуже. Придется отвечать не столь витиевато:

— Sì. (Да).

Ответ Анвару тоже не понравился. Он повернулся к Монтазу и разразился достаточно длинной тирадой, из которой я не поняла ни слова. Монтаз вроде бы что-то возражал.

В надежде уловить смысл разговора всматриваюсь в мужские лица. Ясно одно — Анвар чем-то недоволен, причем у меня появились смутные подозрения, что недоволен он мной.

Почему же? Шарю в карманах в поисках валюты. Может, Анвар сомневается — имею ли я деньги для обмена? Протягиваю столлларовую бумажку Монтазу, но он останавливает меня жестом. Мол, не до валютных операций нынче. Странно как-то.

Спрятав деньги обратно в карман, я отошла на пару шагов и принялась изучать содержимое прилавка с морскими чудовищами. Пусть мужчины между собой разбираются, не буду им мешать.

Ах, чего тут только нет — сепии, осьминоги, морские гребешки, кальмары... Глаза разбегаются. Вживую мне еще не приходилось видеть стольких представителей средиземноморской фауны. Не представляю — как их готовят? В процессе любования очередным ракообразным вдруг замечаю боковым зрением, что Анвар уходит. Как же так?

— Что случилось? Почему он ушел? А доллары поменять? — засыпаю вопросами Монтаза.

— У него сейчас нет денег.

Ответ прозвучал не очень убедительно, но докапываться до истинной сути я не стала.

— А где же можно обменять валюту?

— В банке обменяем.

— Далеко?

— Нет, через улицу.

— Тогда идем.

Мы покинули базар, и вошли в переулочек, в котором останавливались автобусы из Украины с новыми безработными. Сюда же стекались и работающие украинки, чтобы передать через водителей посылку ДОМОЙ. В переулке стояло два белых «Мерседеса», от них змеились длинные хвосты очередей. В конце одной очереди я заметила знакомую серую куртку.

— Надя! Здравствуйте!

Женщина обернулась:

— О! Привет! Ты гляди, не съел тебя твой пакистанец.

Встреча с Надеждой меня очень обрадовала.

— Не съел, — улыбаюсь. — Познакомьтесь.

Надя. Монтаз.

Они приветственно кивают друг другу.

— Наташа, — обращается ко мне Монтаз, — если хочешь, подожди меня здесь. С подружкой поговори. Я сам в банк схожу.

— Хорошо.

Я отдала деньги, и яркая рубашка пакистанца скрылась из поля зрения.

— Ты так доверяешь этому парню? А что, если он не вернется? — покосилась Надя.

— Он — хороший, это раз. И потом, я знаю, где он живет. Кстати, а Вы нашли себе ночлег?

— Да где там, на улице ночевать пришлось.

Тут, возле автобусов. Ты-то как устроилась?

В двух словах я рассказала Наде о квартире Филы.

— Может, и меня эта Филя на ночь приютит, как думаешь?

— Надо спросить. Места у нее почти нет. Втроем на одной кровати спали, двое — на полу.

— Я согласна хоть на полу!

— Давайте тогда вместе вечером пойдем туда. Филя сказала, чтобы я раньше шести не возвращалась.

— Конечно. А пока я домой посылочку отправлю. Вот, кое-что для внучки прикупила, — Надя показывает пакет, доверху набитый, в основном, детскими вещами и игрушками.

— Смотри, какие ботиночки! А юбочка, а? Жирафик этот такой забавный — копейки стоит. Потрогай. Чувствуешь, у него шарики внутри. Еще и дочке брюки купила, — женщина расцветает, демонстрируя покупки.

— Сколько лет внучке?

— Четыре годика. Дашенька.

— Давно не видели ее?

— Два года уже, — голос у Нади дрогнул.

Наверное, в разлуке с дорогими сердцу людьми время течет по другим законам, и два года вдали от Дашеньки — это очень и очень большой срок для Нади. У нее мелкой дрожью трясутся руки,

и глаза вот-вот станут на «мокрое место».

— Надя, ну, что Вы?!

— Не обращай внимания. Нервы.

— А когда Вы домой собираетесь?

— Пока не знаю. Мне сейчас некуда возвращаться.

— Как некуда? ДОМОЙ. К мужу, дочке, внучке.

— Нет больше у меня ни мужа, ни дома.

Ой, кажется, я поневоле затронула какую-то больную струну. Что же случилось? И пока мы стояли в очереди к автобусу, Надя рассказала, как она попала в Страну Макарон.

Началось все с того, что у мужа ее, Степана, врачи обнаружили в сердце серьезные неполадки. Жизнь горячо любимого супруга оказалась под угрозой. Спасти его могла лишь дорогостоящая операция с заменой клапана. Денег, естественно, на это «удовольствие» не было.

Идею с заграничными заработками подбросила односельчанка, у которой двоюродная сестра уехала в Италию. Кузина благополучно устроилась среди «макаронников» и, на зависть родственникам, регулярно слала домой симпатичные кругленькие суммы.

Надя с мужем и дочкой устроили семейный совет, на котором постановили: «Надо собираться в Италию». Кому? Конечно, Надежде. Не Степану же

с больным сердцем и не дочери с двухлетним ребенком на руках. Надя уехала. К той кухне односельчанки. Устроилась в маленькой деревушке около Помпеи присматривать за одной дряхлой синьорой. Отказывала себе во всем, но собрала-таки нужную для операции сумму.

Клапан заменили, Степан поправился — и опасность овдоветь для Нади миновала. Но случилась неприятность с дочерью. Ее бросил муж, и она с маленькой Дашей решила вернуться в отчий дом. Каково же было удивление Надиной дочки, когда папенька ее на порог не пустил, мотивируя отказ тем, что у него теперь «новая жизнь». Основным составляющим элементом «новой жизни» была и «новая» жена, на добрый десяток лет моложе укатившей на заработки супруги.

Полагаю, вместо одного клапана Степану заменили все сердце каким-то современным насосом из железа. А может, и совесть по недосмотру удалили.

— Надя, и куда дочь подалась?

— Сначала к подруге. Потом — в райцентр. Квартиру там снимает, а я ей деньги шлю.

— Ах, вот оно все как обернулось. Вы не жалеете, что уехали?

— Чего жалеть? Степан добрый был. Я сделала для него то, что ДОЛЖНА была сделать. А как иначе? Бог судья ему. Но я на Степу зла не

держу. Перегорело уже. Видно, было мне на роду написано — мужа потерять. Так лучше же, что он к другой ушел, чем помер бы. За дочку с Дашей переживаю. Их «поднять» надо. Главное — здоровье, остальное — заработаю.

Говорила Надя без пафоса, буднично, как говорят о погоде или удаях. Она отдала должное любимому человеку, поскольку поступить по-другому не могла. Меньше всего Надежда походила на героиню какого-нибудь слезоточивого телевизионного «мыла», которым, честно говоря, попахивала ее история.

Обыкновенная серенькая женщина в серенькой куртке несказанно удивила меня своей тихой всепрощающей любовью. Я на ее месте, наверное, голыми руками вырвала бы новый клапан из груди неверного Степана. Стыдно признаться, но на героические поступки во имя ближнего меня не тянуло. В Италию я ехала по меркантильным побуждениям, никоим образом не связанным со спасением чьей бы то ни было жизни. Мне просто хотелось заработать денег.

— Ладно, хватит о грустном, — встрепенулась Надя, — чем пакистанец-то твой промышляет?

И я выложила Надежде все, что знала про Монтаза, включая несколько странную встречу с его другом.

— А ты не думала, Наташ, что Анвар и не собирался никакую валюту менять?

— То есть?

— Мне кажется, он пришел к тебе присмотреться, а из-за лишаев не приглянулась ты ему.

— Это не лишаи! — обиделась я.

— Ну, он же, судя со слов твоих новых знакомых, скорее сутенер, чем дерматолог. Посмотрел — болезнь какая-то паршивая. Зачем ему больная «телка»? Проблемы одни.

Я задумалась над словами Надежды. Не исключено, что она права, и этот дерматит — своего рода моя охранная грамота. У меня даже появилась мысль не спешить с использованием мази.

Очередь к автобусу двигалась медленно. Шофер тщательно проверял и взвешивал посылки, чтоб, не дай Бог, ему не подсунули какой-нибудь вызывающий недоверие таможенников предмет. Внезапно переулочек наполнили ревушие звуки. Как черти из табакерки, появились подростки на мопедах.

Их было человек пять-семь. Каждый из ребят имел по небольшому лотку яиц. И чертята просто внаглую стали «расстреливать» очередь. Женщины визжали и прятались друг за друга и за автобусы.

Хоть яйца, конечно, не смертельное оружие, но приятного мало, когда липкая желтково-белковая масса заливает глаза или украшает одежду.

Водители двинулись сквозь визжащую толпу на мальчишек с явными педагогическими намерениями. Пацаны на мопедах поняли, что шоферов яйцами не напугаешь, побросали лотки и с победным улюлюканьем испарились из переулка.

Нам с Надей повезло не попасть в зону прицела яичных снайперов.

— Надь, что это было? Те дети — сумасшедшие?

— Сволочи они, а не сумасшедшие, — откликнулась позади меня одна из жертв «обстрела». По черному пиджаку дамы растекалась яичная глазурь. Женщина была очень расстроена. Я, конечно, могу ее понять. Неприятная сцена с налетом беспардонных подростков даже как-то не укладывалась в голове. Что мы им сделали? За что? А главное — управы на тех чертят нет никакой. Допустим, задали бы водители кому-то из ребят хорошую трепку. На следующий день (если не в тот же) родители подростка напустили бы на переулок карabinеров — и в итоге кто бы пострадал? Ответ очевиден.

Никогда раньше меня не «расстреливали» продуктами. Я слышала о фактах забрасывания недоброкачественными помидорами служителей

Мельпомены, в тех случаях, когда их творчество не соответствовало высоким культурным стандартам публики. Наверное, происходило это в довольно давние времена, так как мне еще ни разу не доводилось присутствовать при подобных расправах. Даже если постановка из рук вон плоха. Не спорю, иногда бывало жаль, что под рукой нет лишнего гнилого помидорчика или тухлого яичка. Но все равно — бросить в человека чем-то более тяжелым, чем слово, я бы не решилась.

Знаете, какой вывод я сделала из яичной атаки? МЫ тут НЕ желанны. Аборигены этой страны воспринимают нашествие нелегалок как египетскую кару жабами или саранчой. Кто знает, как реагировала бы я, запруди весь наш городской вокзал китайцы, например, которые спят и видят — как бы на работу тут устроится? Одно точно — яиц для них я бы не покупала.

— У вас салфетки какой-нибудь не найдется? — обратилась к нам женщина в черном пиджаке.

У меня был в кармане скомканный носовик.

— Возьмите.

Женщина взяла его и стала брезгливо удалять с ткани яичную слизь. Потом выбросила платочек.

— Гаденыши, — злоба пузырилась в уголках тонкогубого рта.

Я внимательнее присмотрелась к женщине.